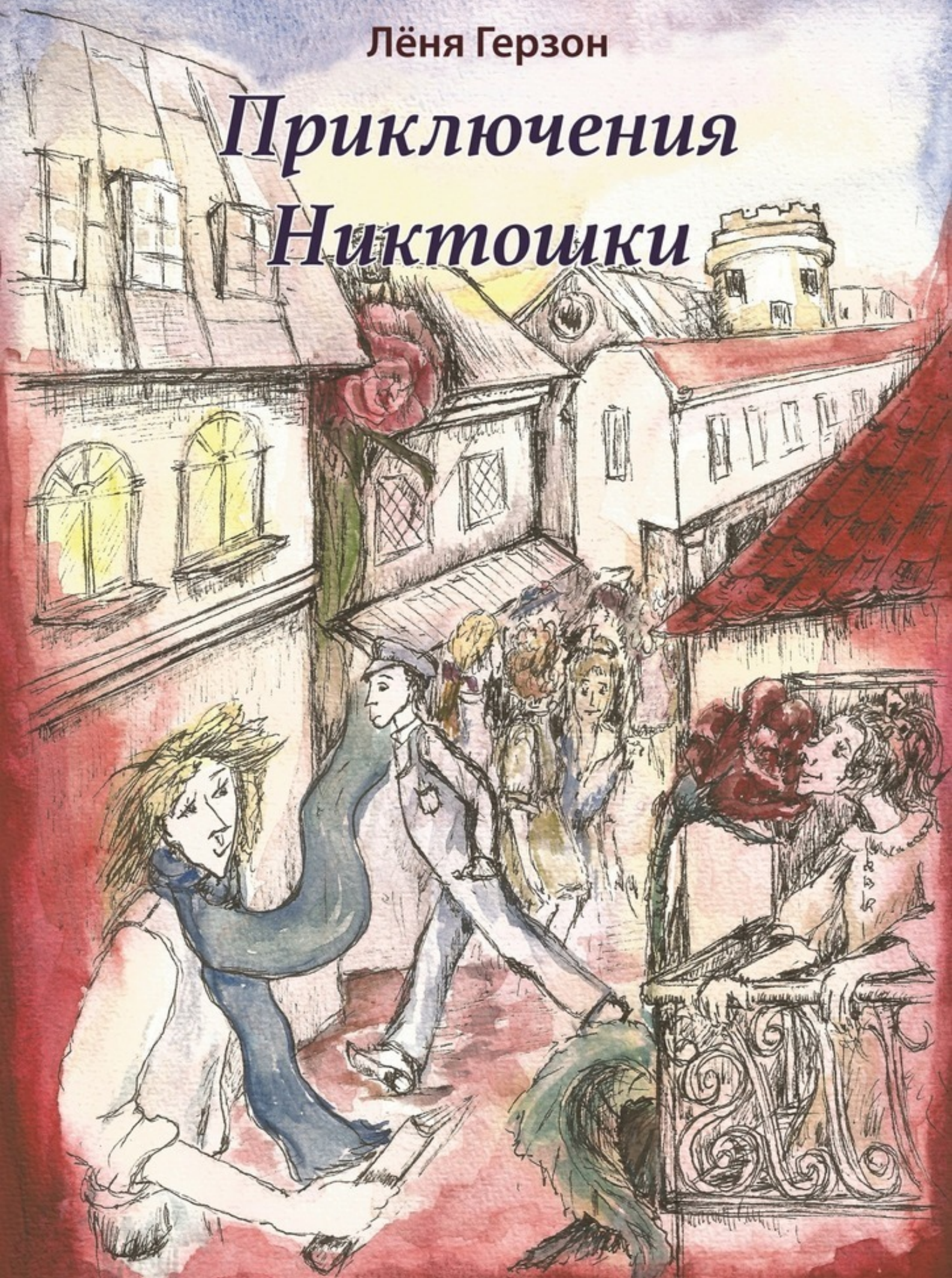

Лёня Герзон

Приключения Никтошки

Лёня Герзон

Приключения Никтошки

«Издательские решения»

Герзон Л.

Приключения Никтошки / Л. Герзон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832816-9

Сказочная повесть для детей среднего школьного возраста и для всей семьи.
О маленьком Никтошке, которого никто не хотел замечать.

ISBN 978-5-44-832816-9

© Герзон Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава нулевая. ЛЮДИШКИ	6
Глава первая. НИКТОШКА	7
Глава вторая. КАК НИКТОШКА ТОЖЕ ПРОКАТИЛСЯ НА АВТОМОБИЛЕ	10
Глава вторая с половиной. ТЕЛЕПАТИЯ	13
Глава третья. О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО НЕ ЗАГРЯЗНЯТЬ ПРИРОДУ	17
Глава четвертая. КАК НИКТОШКА ПОМОГ ОТКРЫТЬ МЕСТОРОЖДЕНИЕ ГАЗА	20
Глава пятая. КАК НИКТОШКА СОВЕРШИЛ ПОДВИГ	22
Глава пятая с половиной. БАБАЯГА	27
Глава шестая. КАК НИКТОШКА ВСЕ-ТАКИ ПОЛЕТЕЛ НА ДИРИЖАБЛЕ, НО ЭТОГО НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ	33
Глава седьмая. ПАДЕНИЕ	39
Глава восьмая. У ЦАРЯ НЕПТУНА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Приключения Никтошки

Лёня Герзон

© Лёня Герзон, 2016

© Ирина Глузман, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2816-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава нулевая. ЛЮДИШКИ

Живут на свете маленькие люди – людишки. Уже много написано книг про разных крошечных человечков: гномов, лилипутов, коротышек... Но только о происхождении всех этих существ мало что известно. А вот насчет людишек наукой точно установлено: они, как и обыкновенные люди, произошли от обезьян. Только близкие родственники людишек – не огромные гориллы и орангутанги, а совсем маленькие обезьянки, которые, если встанут на задние лапки, будут ростом со спелый банан. Обезьянки ростом с банан существуют, и их можно увидеть практически в любом зоопарке. Они очень юркие и умеют быстро бегать по веткам деревьев, цепляясь за них пальцами рук и ног. Многим, наверно, трудно представить, что от столь мелких, да еще и хвостатых обезьян могли произойти разумные существа, но вот произошло. А хвост у них отпал в процессе эволюции.

Людишки сами себя называют малянцами и малянками. И эти малянки и малянцы очень похожи на обыкновенных людей. Они разумные, живут в городах и ездят на автомобилях. И внешне людишку было бы не отличить от человека, если бы не его маленький рост – примерно с банан. Но у людишек есть еще одна особенность. Они единственные в мире существа, которые никогда не взрослеют. Человек взрослеет, бегемоты взрослеют, жирафы, рыбы, там, всякие, черепахи – взрослеют, а людишки – нет. Так навсегда и остаются детьми. И поэтому малянцы и малянки скорее похожи не на взрослых людей, а на детей – мальчиков и девочек, которым лет десять-одиннадцать, не больше. Но в остальном людишки – совсем как люди.

Глава первая. НИКТОШКА

Жил-был малянец-людишка по имени Никтошка. Жил он в одном из городов людишек – в Цветограде, в общем доме на Незабудковой улице. Для человека эти цветы такие маленькие, что он их редко замечает и вряд ли в их честь назовет улицу. А людишкам незабудки по пояс или даже по грудь. Для людишек, вообще, цветы – как человеку деревья. На гладиолус, например, не каждый людишка залезет – больно высоко.

Так вот, Никтошка жил на Незабудковой улице, в доме номер пятнадцать, и надо сказать, что этот Никтошка был никому не известным малянцем. Хотя в одном доме с ним жили такие знаменитые людишки, как музыкант Рояль, доктор Шприц и даже Пустомеля. Обитатели этого дома и раньше-то были довольно известными в Цветограде личностями, с которыми постоянно происходят разные истории да приключения. Вот, например, однажды они построили подводную лодку и поплыли на ней путешествовать. Но после того как один цветogradский писатель написал про их жизнь целую книгу и эта книга стала бестселлером... В общем, в городе не осталось ни одного малянца или малянки, которые бы не посетили этот знаменитый дом. Теперь на Незабудковой улице даже в нескольких местах прикреплены стрелки с надписью: «ТОТ САМЫЙ ДОМ» – чтобы туристы из других городов не заблудились.

Судя по книге знаменитого писателя, в «том самом» доме жило шестнадцать малянцев. Все они были очень дружные и вместе совершили несколько удивительных путешествий, которые и описал в своей книге знаменитый писатель. Но на самом-то деле малянцев в этом доме жило не шестнадцать, а семнадцать. И этим последним, семнадцатым, был Никтошка. Он был такой незаметный, что его никто не замечал. Когда писатель пришел к ним, чтобы собрать материал для своей книги, Никтошку не заметили и не посчитали. А может, его-то и дома тогда не было, а никто не вспомнил, что его нет. Поэтому Никтошка не попал в Знаменитую книгу и никто о нем не узнал. Хотя он тоже жил на Незабудковой улице, в том же самом доме.

Впрочем, Никтошка редко появлялся в этом доме, а большую часть времени проводил где-нибудь. Возвращался домой он обыкновенно очень поздно, иногда даже совсем ночью, когда входная дверь бывала уже заперта. Малянцы спали крепко, достучаться до них было непросто. Только у Угрюма иногда случалась бессонница, но ему всегда лень было вылезать из постели. И вот наконец, когда Угрюм или кто-нибудь другой спускался со второго этажа, где находилась спальня малянцев, и спрашивал: «Кто там?», Никтошка отвечал: «Никто». За это его и прозвали Никтошкой.

Почему он так отвечал, Никтошка и сам не знал.

– Ну что ты все бродишь по ночам? – ворчал Угрюм. – И так бессонница, да и ты еще тут вечно по ночам стучишь.

«Все равно же он не спит», – думал Никтошка, но спорить с Угрюмом не хотел – он вообще не любил спорить. Странно, что остальные малянцы никогда не помнили, что Никтошка еще не вернулся. И каждый раз запирали дверь на засов, так что он не мог ее открыть своим ключом и приходилось стучать. Если иногда ученый Всезнайка засидится за книгой и впустит Никтошку, то он каждый раз и говорит: «Надо завтра не забыть, что ты еще гуляешь, и не задвигать засов». Но почему-то «завтра» об этом всегда забывали.

А запирались малянцы потому, что некоторые из них, такие как Пустомеля и повар Кастрюля, боялись Бабу-Ягу.

– Да нет же никакой Бабу-Яги! – возмущался Всезнайка, – поверьте, я много книг прочел и знаю, что наука это уже давно доказала!

– Да я знаю, что нет, – отвечал Кастрюля, – а все-таки страшно: вдруг она придет!

А Пустомеля потом Кастрюле и другим людишкам говорил:

– Подумаешь, наука доказала. А как она это доказала, интересно?

И вечером обязательно Пустомеля, или Кастрюля, или шофер Быстролёттик, или еще кто-нибудь из малянцев брал – да и запирал дверь на засов.

А Никтошка не боялся Бабы-Яги, потому что знал, что она есть и что она почти всегда бывает добрая. Никтошка, как и ученый Всезнайка, прочел много книг, и в них было написано, что Баба-Яга есть, а книгам Никтошка верил. Больше всего на свете Никтошка любил читать книги. Но не такие, как Всезнайка, не научные. И поэтому не разбирался ни в подводных лодках, ни в воздушных шарах. Никтошка любил читать сказки, разные интересные истории и приключения. Иногда он так зачитывался какой-нибудь книжкой, что забывал, что находится в реальном мире. Идет он вечером по улице, темно уже, вдруг из подворотни кот выскакивает. Никтошка скорее пальцами уши затыкает. Потому что ему кажется, что это Кот Баюн, который его сейчас сказками заговорит, а потом съест. А коты ведь, по сравнению с людишками, огромные, словно тигры. Только в Цветограде они все добрые.

Никтошка читал с утра до вечера, а потом и ночью. Если попадалась ему интересная книга, то весь мир вокруг переставал для него существовать, пока он не дочитывал эту книгу до конца. Он всё тогда делал, смотря в книгу. Например, утром положит ее возле раковины, накроет прозрачной пленкой, чтобы не промокала, а сам зубы чистит и читает. Почистит зубы, поднимет пленку, перевернет страницу, опять пленкой накроет – начнет щеки умывать. Потом с книгой в руке идет на кухню и что-нибудь там себе вслепую найдет – и съест. Один раз съел бумажный колпак повара Кастрюли, в котором тот пирожные готовил. Колпак весь сладкими взбитыми сливками пропитался, пока Кастрюля их взбивал. А другой раз он нечаянно проглотил вещество, приготовленное ученым Всезнайкой для химического опыта и поставленное остывать в холодильник. На банку Всезнайка приклеил бумажку с черепом и косточками – что

яд. Но Никтошка смотрел в книгу и бумажку не заметил. Потом три дня светился голубоватым светом. Хорошо, что это вещество оказалось безвредным.

Везде он был самым последним. Вставал позже всех, и когда спускался в столовую, еды там уже не оставалось. Повар Кастрюля всегда посылал Растяпу в спальню – проверить, не проспал ли кто завтрак. Растяпа быстро оглядывал кровати, но не замечал Никтошку. Да и немудрено: тот был самый маленький из всех людишек. И закутается, бывало, в одеяло с головой – кажется, одно скомканное одеяло лежит.

А Никтошка завтракать не любил. Если доктор Шприц утром поймаёт его и заставит все-таки поесть, то Никтошку потом тошнило.

– Завтрак очень важен для здоровья, – говорил доктор Шприц. – Пропускать его ни в коем случае нельзя!

Но Никтошкин желудок просыпался только к обеду и, если его пытались кормить завтраком, очень сердился. К счастью, Никтошка был такой незаметный, что даже Шприц его редко замечал, так что Никтошка почти никогда не завтракал, и всё было хорошо.

Выйдя из дому, он шел через город к Кабачковой реке. На улице прохожие его не замечали. То какая-нибудь малянка с прыгалками на него натолкнется, то автомобиль чуть не задавит.

Наверно, это потому, что Никтошка выглядел как-то незаметно. Одевался – непонятно во что. Обувь тоже какая-то... хоть и аккуратная и вполне чистая, но фасона совершенно неопределенного. Глаза у него были голубые, а волосы светло-русые. Но прическа на голове – тоже всегда какая-то невразумительная. Не поймешь, у кого стригся, да и вообще, когда это было. Любил он, чтобы волосы свободно себе развевались куда-нибудь в стороны. Поэтому не носил шапку, как другие людишки. Единственно, как его можно было узнать издали – так это по длинному шарфу, которым он оборачивал шею в холодную погоду и который повсюду следовал за ним, словно флажок. А летом это был синий шелковый платок вместо шарфа.

– Ты б хоть свой шарф, что ли, куда-нибудь... намотал! – кричал шофер Быстролётник, проезжая мимо на автомобиле. – А то накрутится мне на ось – и придушит тебя, как цыпленка.

– А? – моргал Никтошка, и шарф его болтался на поднятом машиной ветру.

Глава вторая. КАК НИКТОШКА ТОЖЕ ПРОКАТИЛСЯ НА АВТОМОБИЛЕ

Это был красный кабриолет с откидывающимся кожаным верхом. Слесарь Напильник и монтер Молоток построили его взамен своего первого автомобиля. Того самого, на котором когда-то без спроса прокатился Пустомеля, размазав машину по стенке и едва не убившись. Был такой случай. А новый автомобиль мог ездить вдвое быстрее, чем его предшественник, и мудрый Всезнайка придумал установить на улицах дорожные знаки, ограничивающие скорость. Еще Всезнайка сказал, что отныне вождение без прав запрещается.

– Мы не можем допустить, чтобы какой-нибудь сумасшедший переломал имущество или кого-нибудь раздавил, – сказал Всезнайка. – Ездить будут только те, у кого есть водительские права.

Да вот только чтобы получить права, нужно вначале научиться ездить, а потом сдать экзамен. А поскольку умел ездить только шофер Быстролётник, то он и учил, и экзамены принимал. Но не хотелось Быстролётнику, чтобы еще кто-нибудь умел водить, кроме него. Вот никто и не мог у него экзамен сдать. Натурик с Конкретиком учились-учились, да так ни один из них экзамен и не прошел. Вот и остался Быстролётник единственным водителем в Цветограде, у кого права есть.

– Больно он быстро будет ездить, – сказал монтеру Молотку слесарь, когда тот заклепал последнюю заклёпку и машина была готова. – Надо его в гараж на замок запирать.

– Это зачем? – удивился Молоток.

– Если Пустомеля угонит – тут уж без многочисленных жертв не обойдется.

– Что ты! – возразил Молоток. – Пустомеля теперь автомобилей боится как огня.

Зато Никтошка не боялся. Как-то раз он вернулся домой слишком поздно и не смог достучаться, чтобы ему открыли дверь. Тогда Никтошка залез в автомобиль и решил выпастись на его мягком кожаном сидении. Но спать не хотелось. Стояла прекрасная теплая ночь. Совсем низко над домами людишек висел тоненький серп луны. Небо было чистым, и звезды сегодня горели особенно ярко. Под стеклом фонаря, висевшего над крыльцом, собралась куча мошкеры, которая все никак не могла успокоиться, возилась и жужжала.

В зажигании автомобиля торчал ключ, и Никтошка машинально повернул его. Автомобиль завелся, но мотор работал почти бесшумно – Молоток и Напильник усовершенствовали предыдущую модель. Никтошка, хоть ни разу до этого машиной не управлял, а все-таки очень хорошо умел это делать. И вот почему.

Всех всегда катал шофер Быстролётник. Чаще всего он возил ученого Всезнайку, у которого в городе было много дел, а также доктора Шприца по вызовам людишек – если кто заболит. Когда Напильник и Молоток только сделали этот новый автомобиль, Никтошке ужасно захотелось на нем прокатиться – такой он был красивый и так быстро ездил. Но кататься хотели все, и как-то так получилось, что в очереди на катание он оказался самым последним. Людишек-то в их доме было семнадцать, а на автомобиле слишком долго ездить было нельзя – сцепление перегревалось. И больше одного людишки за раз Напильник не разрешал катать.

– А то будете болтать и отвлекать шофера – еще в аварию попадете, – говорил он.

Скоро Всезнайка стал использовать машину по своим научным делам, а Шприц – по вызовам, короче, до Никтошки очередь так и не дошла.

И решил тогда Никтошка прокатиться тайно. На заднее сиденье – все равно там никто никогда не сидел – Быстролётник обычно клал рогожку. Если нужно было в дороге починить автомобиль, он расстилал ее и, лежа на спине, заползал по рогожке под брюхо машины. Вот Никтошка и придумал прятаться. Улучит момент, когда Быстролётник отвернется – и ныряет

под рогожку. И лежит под ней, на заднем сидении, не шелохнувшись. Хоть ему и ничего не видно, а все равно здорово было – ведь он катался на автомобиле!

Так хорошо было, когда автомобиль заносило на поворотах или когда он подскакивал на кочках – прямо как на качелях! Никтошка закрывал глаза – все равно не на что под рогожкой смотреть. А сколько разных звуков слышишь, если с закрытыми глазами! И как шины по дороге шелестят, и как вода расплескивается, когда лужа, и как Быстролётник гудит зазевавшимся цветочкам, разбегающимся из-под колес...

Шофер Быстролётник, когда водил машину, подробно описывал вслух, что он делает. Чтоб не думали, будто вождение автомобиля – это такая простая вещь.

– Поворачиваем ключ зажигания, – объяснял Быстролётник. – А теперь выжимаем сцепление и ставим в первую передачу.левой ногой плавно отпускаем сцепление, правой – выжимаем газ...

И так далее. Никтошка лежал с закрытыми глазами и мысленно представлял себе, как он всё это делает. И Никтошка хорошо запомнил, как нужно водить. Иногда вечером он запирался в туалете и тренировался понарошку – выжимал сцепление, включал мигалку, крутил руль... Он был не такой, как Пустомеля, которого сколько ни учи – голова все равно остается пустая. Никтошка всё схватывал на лету. Жаль только, что этого никто не замечал. Вот так Никтошка и выучился водить автомобиль – так сказать, заочно.

– Эй, кто это там в туалете засел? – кричали из коридора.

Никтошка тормозил, гасил мотор и выходил из «машины».

И вот теперь была ночь, ярко светили звезды, и все спали. Кроме разных бабочек и жуелиц, копошившихся под колпаком фонаря. А машина уже завелась. Никтошка потихоньку выжал сцепление, включил скорость, дал газ. Потом плавно отжал сцепление – всё, как делал Быстролётник. Машина, шурша колесами по гравии, выехала со двора. Никтошка переключил на вторую передачу, потом на третью. Автомобиль ехал быстро и плавно, в лицо дул теплый ветер. Никтошка выехал в поле и понесся по проселочной дороге. На ней иногда встречались ухабы, но Никтошка всегда вовремя сбавлял скорость, да и машина была так хорошо сделана, что, казалось, и не замечала совсем этих ухабов. Она летела как птица. «Как же все-таки здорово, когда едешь совершенно один и никого нет, и никто не может тебя достать!» – думал Никтошка. Если бы даже он дождался своей очереди и его сейчас вез шофер Быстролётник, то невозможно было бы так спокойно смотреть на эти проносящиеся мимо спящие цветы и травы, и на ярко мерцающие звезды над головой. Вместо того чтоб наслаждаться теплым ветром и чувствовать, как все замирает внутри, когда машина проваливается в яму, пришлось бы слушать бесконечную болтовню Быстролётника. И с тех пор Никтошка стал иногда кататься по ночам, когда все спали и его никто не видел.

Глава вторая с половиной. ТЕЛЕПАТИЯ

У Никтошки был один-единственный друг. Скажем прямо, не совсем обычный. Никто, кроме самого Никтошки, про существование этого друга не знал, и никто его не видел. Никтошка, честно признаться, и сам его не видел, но часто разговаривал с ним. Звали Никтошкиного друга Вилка. Иногда, когда в комнате никого не было, Никтошка подходил к окну и, глядя на кусты роз, которые возвышались над их домом, заговаривал с Вилкой.

– Слышишь, Вилка! Недавно я на машине еду по полю. Темно. Тихо. Вдруг кто-то ко мне в машину – ка-ак бух! Прямо на соседнее сиденье. Я от неожиданности рулем дернул, но удержал. Тут кто-то еще один – бух! – ко мне на руль свалился. А сзади третий – на плечи. Я – по тормозам! Тот, что на плечи, мне сверху на голову ползет, этот – с руля на меня своими лапами лезет. А тут еще двое навалились. Но я не растерялся. Р-р-раз! Одного рукой обратно в поле отбросил, схватил того, что в волосы вцепился, и... так его сжал, что он крикнул и сам куда-то ускочил... Слышь, Вилка?

А Вилка отвечает:

– Слышу, да...

– У меня еще под рукой скалка была... такая, знаешь, которой повар Кастрюля блины раскатывает. Я того, что на руле, этой скалкой прямо по... в общем, всех раскидал. Вдруг слышу – сзади *шебуришатся*. Я оглянулся – а там... батюшки – целые полчища! Я обратно – прыг на сидение – и по газам! А они и спереди! Поехал прямо по ним. А они наматываются на колеса, пищат, хрустят. Гадость какая! Понимаешь, Вилка?

А Вилка отвечает:

– Понимаю, да...

– Но я все-таки набрал скорость – и, слава богу, уехал.

– Ну, ты даешь!

– Да вот. Представляешь, каково?

– Представляю. Ну вообще круто!

И так Никтошка этому Вилке про свои приключения рассказывал. То это были полчища кузнечиков, напавших на него ночью, в другой раз – туча мух, от которых Никтошке пришлось с обрыва в реку нырять... Вилка узнал и как Никтошка на горном орле прокатился. Упал в орлиное гнездо, когда по горам лазил – вот орел его и понес. И как он на рыбе ездил. Купался себе в реке и не заметил, что нечаянно сел верхом на сома. А сомы-то, они бывают совсем бешеные, особенно, когда идут на нерест. А они как раз туда и шли.

– Представляешь, Вилка? – спрашивал Никтошка.

– Да уж, представляю себе. Наверно, страшно на соме ехать?

– Еще бы. У него морда такая усатая и огромная, что если он ее откроет... то есть, если он рот свой откроет, туда людишка поместится легко, даже не один, а целых три.

– Ничего себе!

– Вот именно! Но я-то ему рот открыть не давал – держал его крепко за усы.

– Ну, ты даешь! И как это тебе только в голову пришло?

– Не говори, я и сам себе удивляюсь. Вообще-то я очень скромный, медлительный, неповоротливый... ты ведь меня знаешь. Но когда нужно действовать – я прямо сам себя не узнаю. Становлюсь быстрым, как молния.

– Это точно!

– Вот я его за усы ухватил – и держу, не отпускаю. А он бесится, носит меня по реке – вдоль и поперек. Вначале вдоль понес, против течения. Со страшной скоростью. Думал, я его усы отпущу и упаду. Куда там! Я усы на руки намотал – и еду. Потом он устал, видно. Развернулся и по течению понес. Потом – поперек реки. Туда! Сюда! А я что? Мне хоть бы что. Хоть

ты меня носи, хоть подбрасывай, хоть под воду на глубину уходи, хоть из воды выпрыгивай – я знай себе усы не отпускаю.

Один раз доктор Шприц заметил, как Никтошка сидит у окна и с кем-то разговаривает.

– С кем это ты тут разговариваешь? – спросил Шприц.

– Да так, ни с кем. Просто песенку насвистывал.

– А, песенку... а мне послышалось, что ты кому-то что-то говорил.

Но Никтошкин друг Вилка сразу же исчезал, если кто-нибудь вдруг приходил. Никто, кроме Никтошки, с Вилкой знаком не был.

– Нет, это тебе только послышалось, – ответил Никтошка. – Ты же видишь, тут никого, кроме меня, нет.

– Может, ты сам с собой разговаривал? – спросил Шприц.

– Как это? – удивился Никтошка.

– Ну так. Некоторые людишки – Всезнайка, например, – разговаривают сами с собой.

– А как они это делают?

– А вот так. Всезнайка сам себе говорит: «Куда это запропастился мой звездный атлас?», а потом сам себе отвечает: «Ты же, балда, сам его вчера астроному Звёздину отнес!»

На самом-то деле, Никтошка не с самим с собой разговаривал, как Всезнайка, а со своим другом Вилкой. Только Вилку никто никогда не видел. Он был невидимый. И разговаривать с Вилкой мог один только Никтошка. Зато Вилка был хорош тем, что если Никтошке хотелось с ним поговорить, он всегда был рядом. И всегда готов был его слушать. Чтобы поговорить с Вилкой, Никтошке даже не обязательно было открывать рот и говорить вслух. Можно было сказать про себя – Вилка все равно понимал, и Никтошка его понимал, когда Вилка говорил про себя. То есть, они могли общаться друг с другом мысленно. У них было то, что называется «телепатия». А если они разговаривали вслух, то Никтошка говорил и за себя, и за Вилку.

Но Никтошка не хотел, чтобы другие знали про Вилку, и он сказал Шприцу:

– Нет, Шприц. Я пока до этого еще не дошел, чтобы самого себя балдой обзывать.

– Ну, тогда смотри, – сказал доктор. – Если вдруг заметишь, что сам с собой разговариваешь – обращайся прямо ко мне. Я тебя вылечу. У меня, знаешь ли, такое замечательное лекарство есть. Я тебе несколько уколов пропишу, поколю недельку, ну, может, две – не больше. И всё как рукой снимет.

От предложения Шприца Никтошку передернуло. Но он постарался быть вежливым и сказал:

– Конечно, Шприц. Если только начну разговаривать сам с собой – сразу к тебе.

– Молодец! И если увидишь, что кто-нибудь другой сам с собой разговаривает, ты мне скажи. Может, людишке помощь требуется, а он этого и сам не знает.

– А что, разве Всезнайка не знает, что сам с собой разговаривает?

– Раньше не знал. Пришлось мне его на магнитофон записать, чтобы он поверил. Я ему время от времени уколы назначаю. Тогда у него это реже проявляется.

– Что?

– Ну... разговоры с самим собой.

– А...

«Странно получается, – думал иногда Никтошка. – Видно ведь, что другим со мной интересно поговорить. Почему же со мной никто не дружит?»

Но с ним никто не дружил. Разумеется, кроме Вилки. Но Вилка же был не совсем настоящий людишка. А если кто-нибудь из настоящих людишек с Никтошкой заговаривал, то Никтошка почему-то старался как можно скорее закончить разговор и куда-нибудь убежать подальше. Вот и сейчас, поговорив немного со Шприцом, Никтошка поскорее улизнул из дома и помчался в лес. А ведь Шприцу можно было рассказать про замечательную сказку, которую Никтошка недавно прочитал.

Это как раз была сказка про одного врача, который до этого был художником. Или, вернее, про одного художника, который потом стал врачом. А врачом он стал потому, что, оказывается, у него была волшебная рука. Если кто болел – он мог нарисовать, как больной выздоровел – и тот выздоравливал. У художника было такое сильное воображение, что оно побеждало любую болезнь. Допустим, людишка заболел гриппом, а художник сразу же представлял себе, что этот людишка здоровый. На лыжах катается и мороженое ест. И рисовал такую картину. И как только картина была готова, людишка сразу же выздоравливал! Или если людишка ломал ногу – стоило художнику нарисовать его с целой ногой, как перелом тут же заживал. В этой сказке даже ученый был, который открыл, почему от картин художника все выздоравливали. Но этот ученый разговаривал такими словами, которые Никтошке были непонятны. Какие-то длинные слова, начинающиеся на психофизи... а может, на психовизи... – и что-то еще там такое, о чем Никтошка понятия не имел. Интересно было бы Шприца об этом спросить – он наверняка знает.

Но общаться с другими людишками было Никтошке тяжело. Он просто всегда ужасно стеснялся! Чувствовал себя таким неловким! После того как поговорит с кем-нибудь, он все думал: «А вдруг я ему что-нибудь не то сказал? А прилично вообще такое говорить? А вдруг он обиделся? А вдруг я его чем-то задел?»

Например, если разговариваешь с поваром Кастрюлей, все время нужно думать, как бы не сказать что-нибудь не то про толстых. Или про тех, кто много ест. А если говоришь с Пустомелей – как бы не упомянуть тех, кто ничего не читал и пишет только печатными буквами. А у художника Мальберта такой кривой нос, что Никтошка всегда боялся – вдруг Мальберт как-нибудь поймет, что Никтошке его нос не нравится. А Никтошке на самом деле не понравился его нос, а ему очень было Мальберта из-за этого носа жалко. «Тяжело ему, наверно, такой нос на лице носить», – думал Никтошка. И он боялся – как бы Мальберт не понял, что Никтошка об этом думает. Он даже старался не думать, если рядом оказывался Мальберт. Но, как назло: мысль о носе Мальберта начинала вертеться в голове – стоило Никтошке подумать, что эта мысль нехорошая.

Часто, даже после совсем коротенького разговора с каким-нибудь людишкой, Никтошка несколько дней не мог этот разговор забыть и всё думал, думал...

– А вдруг я ему что-нибудь не то сказал? – спрашивал он Вилку.

А Вилка ему отвечал:

– Да что же «не то»? Ты ведь только спросил его, где он взял свою книжку, а он сказал, что в библиотеке и что она была там последняя.

– Да, но он сразу же предложил мне ее дать почитать...

– Ну и что же?

– А я взял да и согласился.

– А почему бы не согласиться, если предлагают?

– Так может, он просто из вежливости предложил? Может, он ее сам еще не прочитал? А я ее у него уже взял. Неудобно как-то.

– Ну, если он такой дурак, что предлагает не по-настоящему, а только из вежливости, то сам виноват. Можешь считать, что ты тоже взял только из вежливости. Раз он из вежливости предложил.

– Ты так думаешь? – обрадовался Никтошка.

Шедшие ему навстречу по улице малянки остановились и как-то странно посмотрели на него. Никтошка-то разговаривал с Вилкой мысленно, а тут вдруг сказал вслух:

– Ты так думаешь?

И снова перешел на телепатию.

– Значит, если я взял только из вежливости, ничего в этом плохого нет. Я ведь не специально у него отнял эту книжку, которую он еще не прочитал. Просто из вежливости согласился на его предложение.

– Вот именно, – сказал Вилка. – Тем более, может, он ее все-таки уже прочел и предложил вовсе не из вежливости, а совершенно искренне.

– Да, может быть, – отвечал Никтошка. – А может быть, и нет.

Глава третья. О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО НЕ ЗАГРЯЗНЯТЬ ПРИРОДУ

Подобные угрызения совести грызли Никтошку почти после каждой встречи с кем-нибудь. И поэтому он не любил ни с кем встречаться. А для того чтобы ни с кем не встречаться, трудно найти лучшее место, чем лес. Там одни дубы да ёлки. Летом Никтошка почти каждый день уходил в лес.

У Никтошки в лесу было удобное гнездышко, которое он сам себе оборудовал на одной из веток дуба. У него и подушка там была, и одеяло, и лампочка, чтобы читать по ночам. Лампочку питал аккумулятор, который днем заряжался от солнечной батареи. Этот аккумулятор и батарею изобрели слесарь Напильник и его помощник, монтажёр Молоток. Они последнее время были помешаны на всем экологически чистом – то есть, на том, что природу не загрязняет. Они даже придумали во дворе поставить несколько мусорных баков и в каждый бак класть свой вид мусора. В один бак – только бумажный мусор, в другой бак пластмассовый мусор, в третий – съедобный мусор... Вначале людишки не понимали, зачем все это нужно. Но Молоток с Напильником им объяснили, что так меньше загрязняется окружающая среда, то есть природа, и они всё поняли.

Только Пустомеля не понял. Он смеялся над Напильником и Молотком и нарочно бросал в баки не тот мусор, что надо. «Это съедобная бумага», – говорил он, засовывая бумагу в бак для съедобного мусора. «А это пластмассовые макароны», – говорил он, кидая в бак для пластмассы свои недоеденные макароны.

Еще Пустомеле понравилось, что съедобный мусор совсем не загрязняет окружающую среду. Это ему ученый Всезнайка сказал, когда объяснял про экологию – науку о том, как сохранять природу.

– Значит, съедобный мусор не пачкает природу? – спросил Пустомеля, – а пластмассовый пачкает?

– Конечно! – сказал Всезнайка, обрадованный, что Пустомеля понял. – Пищевые отходы даже полезны для окружающей среды! Ведь если огрызок яблока попадает в землю, он не портит растения, и животные от этого не страдают. Наоборот, из семечек яблока может получиться корм для птиц или даже может вырасти новая яблоня. А гнилое мясо дает пищу червякам и разным букашкам. Таким образом мы помогаем природе!

На следующий день жители улицы Маргариток и бульвара Васильков были шокированы тем, что в соседнем с ними сквере неизвестно откуда появилась куча тухлых помидоров черри. Кучу убрали, но на завтра там возникла гора мандариновых корок. Убрали и ее, а через два дня весь сквер оказался засыпан ореховой шелухой и скорлупками от семечек. Возмущенные людишки решили узнать, кто занимается этим безобразием. Они выставили охрану, которая на следующую ночь схватила Пустомелю, вываливающего прямо у входа в сквер огромный мешок виноградных ошмёток.

– Эй, не смейте меня трогать! – кричал Пустомеля не своим голосом, когда людишки схватили его и собирались как следует побить. – Не имеете права! Это экологически чистые отходы, они помогают природе!

Пустомеля размахивал кулаками и так громко кричал, что разбудил людишек с соседней Незабудковой улицы, которые примчались в сквер во главе со Всезнайкой и доктором Шприцом.

– Что здесь происходит? – спросил Всезнайка, впопыхах заправляя рубашку в штаны и напяливая очки на нос.

– Вот, поглядите-ка, что ваш дружок натворил! – закричала малянка по имени Булочка, которая жила рядом со сквером и в выходные продавала там свежие булочки. – Негодяй, в воскресенье никто не хотел покупать мою выпечку, потому что весь сквер провонял тухлыми помидорами и у людишек пропал аппетит!

И она схватила Пустомелю за его зеленый галстук и так дернула, что он чуть не задушился – у него даже язык изо рта высунулся.

– Подождите, – сказал Всезнайка, – тут надо разобраться. Ты что это, Пустомеля, вредительством занимаешься?

– Я не занимаюсь! – обиделся Пустомеля, стараясь оторвать Булочкины руки от своего галстука. – Я природе помогаю, а вы! Это же пищевые отходы, они защищают природу. Вы что же, не понимаете, что у нас природы совсем мало осталось и скоро ее совсем не останется? Вы что хотите, чтобы одни дома и дороги были, и чтобы не было ни одной травинки, ни одной птички?!

Пустомеле, видимо, стало так обидно, что все на него незаслуженно накинулись, что он даже всхлипнул.

– Какая природа, что он несет? – закричали другие людишки – жители улицы Маргариток и бульвара Васильков. – Из-за него нам в такую жару окна приходится запереть, дышать невозможно! В сквере-то воняет!

– Вы еще просто не привыкли к экологически чистому образу жизни! – кричал им в ответ Пустомеля. – Темнота!

– А мы и не собираемся привыкать, мы тебе сейчас так голову намылим, отход несчастный!

Тут Всезнайка понял, что это он во всем виноват. Нужно было как следует объяснить людишкам, что такое экология.

– Тихо, товарищи! – закричал он. – Произошла ошибка. Пустомеля не виноват, это я ему всё неправильно объяснил!

– Ах, это ты, товарищ, ему объяснил, чтоб он тут тухлое мясо наваливал? – в наступившей тишине сказала Булочка таким голосом, что Всезнайка пожалел, что заступился за Пустомелю. Он невольно отпрянул назад, но все-таки сохранил достоинство и ответил:

– Нет, я ему такого не говорил. Я Пустомеле другое говорил, а он меня неправильно понял. Наверное, я плохо объяснял.

Всезнайка поправил галстук.

– Знаете что, друзья? Сейчас уже ночь, и всем нужно как следует выспаться. А завтра, в десять часов утра, я объявляю общее собрание и на нем буду рассказывать всем желающим, что такое экология и как нужно правильно природу охранять. А пока что Пустомеля уберет виноградные ошметки, а все остальные пусть расходятся по домам.

– Как! – закричал Пустомеля. – Это почему это я должен убирать ошметки, если я помогал природе? Пусть, если ты мне все неправильно объяснил, так ты и будешь эту кучу убирать!

– Вот что, Пустомелечка, – сказал доктор Шприц, – что-то ты мне каким-то нездоровым показался. Кричишь, мусор за собой убирать не хочешь... Надо бы у тебя для начала взять мазок из горла, а потом прописать несколько укольчиков – три раза в день, чтобы ты совсем не разболелся.

– Нет, что ты, Шприц! – испугался Пустомеля. – Да я совсем здоров, это я пошутил просто, конечно, я сейчас же всё уберу.

На следующий день Всезнайка устроил лекцию, на которой объяснил, наконец, людишкам, что такое экология и как нужно правильно обращаться с мусором. Ведь если пластиковые бутылки класть в мусорный ящик для пластика, а картонные коробки – в ящик для картона, то эти материалы сразу попадают на завод, который перерабатывает картон или пластик, и из них делают новые бутылки и коробки. А если весь мусор валить в одну кучу, то эта куча оказы-

вается потом где-нибудь на природе и загрязняет ее. «Ведь, правда же, нам бы не хотелось, чтобы наш лес был завален картонными коробками, а в Кабачковой реке плавали пластиковые бутылки?» – закончил свое объяснение Всезнайка.

«Надо же, – говорил Пустомеля, – а я-то думал, что раз мусор съедобный – бросай его, где хочешь, и тебе хорошо, и природе, а там вон оно что! Но теперь-то я всё понял, буду сортировать отходы».

Глава четвертая. КАК НИКТОШКА ПОМОГ ОТКРЫТЬ МЕСТОРОЖДЕНИЕ ГАЗА

Очень интересовала защита окружающей среды слесаря Напильника и монтера Молотка. Они любили изобретать, и им хотелось что-нибудь полезное для природы придумать. Как известно, электричество, получаемое от солнца, меньше всего ее загрязняет. Вот они и изобрели такой аккумулятор – солнечный. Но, к сожалению, он никому, кроме Никтошки, не понадобился. Дело в том, что в Цветограде вскоре открыли газ. И электричество стали добывать путем сжигания газа. Хоть газ и не очень полезен для природы, но Всезнайка сказал, что в случае с газом можно сделать исключение.

За Цветоградом – не с той стороны, где река и лес, а с противоположной – находился небольшой холм. Один раз Всезнайка копал там яму – она нужна была ему для каких-то научных опытов. Когда яма была уже достаточно глубокая, лопата Всезнайки стукнулась обо что-то очень твердое. Вначале Всезнайка думал, что нашел старинный клад. Он позвал других людишек, чтобы поделиться с ними сокровищами. Но когда они раскопали как следует всё вокруг, то увидели, что это не клад, а что под землей тянется огромная, толстая труба. Никто не мог понять, что это за труба и для чего она нужна. Ученый Всезнайка три дня искал в своих книгах объяснение этому явлению. На четвертый день он позвал Напильника и Молотка и велел им просверлить в трубе дырку.

Слесарь с монтером принесли из своей мастерской огромную дрель и по очереди сверлили трубу три дня и три ночи, и сломали немало свёрл, пока наконец не просверлили в ней дырку. Когда они вытащили сверло, послышался громкий свист, и людишки почувствовали какой-то резкий запах. Была ночь. Молоток и Напильник бросили дрель и сверла и побежали ко Всезнайке. На их крики собрались все людишки дома номер пятнадцать по Незабудковой улице, а также многие жители соседних домов. Людишки прибежали к трубе, которая громко свистела.

Доктор Шприц понюхал воздух и сказал, что пахнет чем-то очень вредным для здоровья и что все должны немедленно удалиться, потому что это может быть даже смертельно. А дело было осенью, и небо покрывали тучи. Фонари Цветограда далеко, Молоток с Напильником так спешили, что забыли свой фонарь во дворе, и больше никто не догадался принести с собой, чем посветить. Темно – хоть глаз выколи.

Никтошка тоже прибежал к трубе вслед за всеми, но его и так-то никогда не замечали, где уж тут заметить в такой темноте? Музыкант Рояль подполз к трубе на ощупь. Он попробовал заткнуть дырку своим пальцем, но дырка была большая и до конца не заткнулась, зато свист стал тоньше. Тогда Рояль стал зажимать дырку то больше, то меньше, то одним пальцем, то двумя, и труба стала играть музыку.

– Ура! – закричали и захлопали все.

Но резкий запах становился всё нестерпимей, и людишки невольно отошли подальше от трубы. Рояль тоже долго не мог возле нее находиться и отошел вслед за всеми.

– Я думаю, что надо эту дырку заткнуть обратно! – важно сказал доктор Шприц.

– Правильно! – закричал Пустомеля.

А Всезнайка сказал:

– Нужно подождать до утра, пока не станет светло и пока Напильник с Молотком в своей мастерской выточат подходящую затычку.

Никто и не заметил, как Никтошка подполз к самой трубе. Ему тоже захотелось сыграть на ней какую-нибудь музыку. Но тут было так темно, что совсем ничего не было видно. Никтошка никак не мог найти, где же дырка, про которую все говорят. Тогда он вспомнил, что

у него в кармане есть зажигалка. Никтошка курил. Не то чтобы постоянно, а так только – любил иногда после ужина трубочку выкурить. Поскольку доктор Шприц был против курения и запретил его в доме, Никтошка курил трубку только у себя в лесу. Вспомнив про зажигалку, Никтошка вытащил ее и зажег.

Что было дальше – Никтошка не помнил. Очнулся он, когда уже был день, а точнее, вечер. Лил дождь, и было мокро. Никтошка почувствовал, что лежит на какой-то мокрой глине. Голова у него очень сильно болела, и Никтошка долго не мог вспомнить, как он сюда попал. Он все лежал и лежал под дождем, и ему было очень холодно. Наконец Никтошка решил встать на ноги. Он увидел, что лежит в канаве, рядом с каким-то холмом, и услышал голоса. Когда Никтошка обошел вокруг холма, то увидел, что на другой стороне возятся людишки.

– Что это вы здесь делаете? – спросил он у Пустомели, который стоял, заложив руки в карманы, под своей огромной, как зонтик, шляпой.

– Не видишь, газовую электростанцию строим, – важно ответил Пустомеля.

– А что это такое? – поинтересовался Никтошка.

Но Пустомеля не смог ему объяснить, и за него ответил Угрюм.

– Вот ведь, выдумают тоже! Какой-то газ нашли. А он и взорвался. Хорошо еще, что все далеко стояли и никого не убило. А теперь Всезнайка решил из этого газа электричество получать.

В газовой электростанции газ сгорает и крутит турбины, которые вырабатывают электрический ток. Но если газ смешать с воздухом, а потом поджечь, то он взрывается с ужасной силой. К тому времени, как Никтошка чиркнул своей зажигалкой, уже много газа вышло из трубы, поэтому и произошел такой сильный взрыв. А чтобы газ не смешивался с воздухом и не взрывался, нужно либо дырку заткнуть, либо сразу поджечь струю газа. И тогда он спокойно горит – надо только следить, чтобы огонек как-нибудь случайно не потух.

Никтошка посмотрел туда, где возились в грязи людишки, и увидел, что там, словно откуда-то из-под земли, виднеется синее пламя.

– А что это такое горит? – спросил Никтошка.

– Это газ, – ответил Пустомеля. – Это я придумал, чтобы из него электричество получать, – добавил он. – Раз горит, значит, как лампочка, значит, можно делать электричество.

– Это не ты, а Всезнайка придумал, – возразил Угрюм.

– Нет, я! – настаивал Пустомеля.

Они принялись с Угрюмом спорить, а Никтошка вдруг почувствовал, что у него сильно болит и кружится голова. Он поплелся домой. Голова и всё тело так сильно болели, что Никтошка целую неделю пролежал в кровати. Если бы об этом узнал Шприц, он бы сразу понял, что у Никтошки контузия. Она бывает, если возле человека что-нибудь взорвется, но насмерть не убьет, а только оглушит. У Никтошки болела голова, звенело в ушах, а перед глазами плыли бурые круги. Но Никтошка никому ничего не рассказал, и через неделю у него всё прошло. Только когда он наконец вылез из кровати и пошел в ванную умываться, он увидел в зеркале, что у него совершенно черное лицо, как у африканца. «Вилка, неужели это я в зеркале?» – спросил Никтошка своего мысленного друга Вилку. – «Ты, а кто же еще? Надо мыться почаще». – «Ладно, ты прав. Пойду умоюсь».

Никтошка очень любил чистоту и целый час мылся, пока снова не стал чистым.

А людишки так и не узнали, что это Никтошка поджег газ. Когда раздался взрыв, Никтошку отбросило за холм, и он пролежал там до вечера. Так что никто его и не видел. Ученый Всезнайка решил, что газ сам взорвался – он прочел в одной из научных книг, что такое бывает.

Так вот, после того как на холме построили газовую электростанцию, Цветоград стал получать достаточно электричества, и солнечный аккумулятор Напильника и Молотка стал не нужен. Никтошка и стащил его потихоньку, и унес к себе в лес.

Глава пятая. КАК НИКТОШКА СОВЕРШИЛ ПОДВИГ

Почему так выходило, что Никтошку никогда никто не замечал – для него это было загадкой. Просто всегда так получалось. Один раз он даже совершил героический поступок, который тоже никто не заметил.

Это произошло одним теплым летним днем. Никтошка переночевал в лесу и искупался в Кабачковой реке. Потом нашел самый спелый кабачок и вырезал из него на завтрак пару сочных ломтей. Для этого у него была маленькая пила, которую он хранил в своей кладовочке, в дупле дуба. Здесь на берегу росло полно кабачков – поэтому река так и называлась: Кабачковая. Высохнув на солнце, Никтошка уже хотел углубиться в лесные заросли, где и находился тот самый дуб и где у него была спрятана книжка. Там никто не мог ему помешать, и он собиравшись спокойно почитать, а заодно и позавтракать. Никтошка днем всегда читал какую-нибудь одну книгу, а дома, вечером – какую-нибудь другую. Потому что есть книжки для дня, а есть для ночи – не будешь ведь читать что-нибудь страшное, когда на улице и так темно. Не успев еще скрыться в лесной чаще, Никтошка услышал крик: «Помогите»!

А потом еще: «Пожалуйста!» – закричал кто-то.

Никтошка обернулся, но никого не увидел. Он подождал минутку. Но больше никто не кричал. Никтошка выбежал из леса на берег. Он огляделся по сторонам – никого не было видно. Левее того места, где он только что купался, был поворот реки, и Никтошка помчался в ту сторону. За поворотом тоже никого не было, хотя в такой теплый день в это время тут всегда полно народу. Здесь висела тарзанка, на которой любили кататься людишки. Она была привязана к ветке плакучей ивы, которая склонялась над рекой. Хватаешься за тарзанку руками и раскачиваешься, раскачиваешься, а потом прыгаешь в реку. Был такой лесной человек, которого звали Тарзан – он ее и изобрел.

На берегу не было ни души, но тарзанка качалась. Никтошка здорово умел логически мыслить. «Если тарзанка качается, значит на ней недавно кто-то качался, – подумал он. – А если этого кого-то нет на тарзанке, значит, он с нее либо спрыгнул, либо упал. А раз тарзанка над рекой, то, значит, он упал в реку». И Никтошка побежал к тарзанке по узенькой тропинке, которая шла вдоль самой воды. Весь берег реки утопал в зелени, тут росли высокие вётлы и ивы, низко наклонившиеся над водой. То и дело приходилось обегать камышовые заросли. Было очень тихо, ветра не было, и листья не шелестели. Только на ветке ивы тоненьким голоском пела какая-то маленькая птичка, наверное, иволга. «Интересно, куда это все подевались?» – подумал на бегу Никтошка. Он сам очень любил кататься на тарзанке, но вокруг нее всегда столько народу – не протолкнешься. Один раз он даже отстоял к тарзанке целую очередь. Когда повар Кастрюля, который был перед Никтошкой, наконец с громким плеском плюхнулся с тарзанки в реку, Никтошка только уже собирался схватиться за нее, как откуда ни возьмись появился Пустомеля. Он оттолкнул Никтошку и сказал: «Я был за Кастрюлей, спроси у него». Но как можно было спросить у Кастрюли, когда тот бултыхался в реку и так при этом громко визжал, что ничего бы не услышал? Никтошка тогда слез с дерева и ушел, и с тех пор катался на тарзанке только ночью, когда никого не было.

Некоторые, наверное, скажут, что Никтошка – трус, раз он не прогнал Пустомелю, не подрался с ним или, хотя бы, не сказал ему, что тот не прав. Но Никтошка просто подумал, что если они с Пустомелей подерутся, то никакого настроения кататься на тарзанке у него уже не будет – так пусть уж лучше Пустомеля катается. Тем более, что, может, Пустомеля просто забыл, что он не стоял за Кастрюлей. «Может быть, ему напекло голову – ведь день-то был жаркий – вот он и забыл», – рассуждал Никтошка. И вообще, он еще никогда не дрался – не устраивать же первую в своей жизни драку прямо на дереве, вот так, без подготовки?

А сегодня тут было на удивление пусто, и Никтошка не понимал, почему. Но дело было в том, что как раз на сегодня ученый Всезнайка назначил старт дирижабля, на котором людишки должны были улететь путешествовать. Этот вошедший в историю полет на дирижабле подробно описан в Знаменитой книге о людишках.

Как известно, людишкам очень хотелось повидать другие страны, но они такие маленькие, что пешком им туда идти страшно долго и тяжело. Вот умный Всезнайка и придумал легкий способ путешествия – летать на дирижабле. Весь город собрался сегодня возле дома номер пятнадцать на Незабудковой улице смотреть, как Всезнайка и его друзья надувают дирижабль и как он потом будет взлетать. Сделать дирижабль, который поднимется в воздух с шестнадцатью людишками, не просто. На самом деле Всезнайка два года придумывал конструкцию этого дирижабля и гондолы, в которой будут сидеть путешественники. Гондола должна была прицепляться к дирижаблю с помощью большой рыболовной сети. Ученый чертил чертежи, делал расчеты, пробовал различные материалы, которые подойдут для этого проекта. Он это всё держал в секрете. Помогали ему лишь слесарь Напильник и монтер Молоток. Они испытывали дирижабль в поле, за Цветоградом, а на ночь прятали его в секретный ангар, о котором никто не знал. Всезнайка был очень скромным, поэтому до поры до времени никому ничего не рассказывал. А когда людишки напомнили ему, что они уже очень давно мечтают отправиться в какое-нибудь путешествие, Всезнайка как раз закончил свою работу.

– Придумал! – сказал Всезнайка. – Мы сделаем дирижабль и полетим на нем.

И все людишки сразу поняли, что Всезнайка – не просто умный людишка, а что он настоящий гений. Но Всезнайка, когда кто-нибудь заслуженно называл его гением, скромно отводил глаза и говорил: «Да чего уж там...»

Никтошка узнал про дирижабль только вчера, потому что до этого два дня не ночевал дома. О том, что все людишки из их дома заняты постройкой дирижабля, Никтошке рассказал Пустомеля. Никтошка случайно с ним встретился в поле, где Пустомеля собирал лепестки ромашек. Из этих лепестков людишки собирались сшить парашюты. На всякий случай – вдруг дирижабль лопнет. А Никтошка ночевал в лесу и ничего этого не знал. Он так зачитался сказкой под названием «Русалочка», что уснул, когда было уже, наверно, часа три ночи.

На берегу никого не было. Тарзанка почти остановилась, когда до нее добежал Никтошка. Она висела высоко, и людишки всегда прыгали с нее далеко вперед, в реку. А под самой тарзанкой, даже немного сзади, было топкое болотце, густо заросшее тинной и покрытое зеленой ряской. В середине болотца ряска как будто разошлась. Вначале Никтошке показалось, что там плавает какая-то рыжая тина, но присмотревшись, он увидел, что это чьи-то длинные-предлинные рыжие волосы, а тот, кому они принадлежат, по-видимому, сидит под водой. И Никтошка тут решил, что это русалка. Ведь вчера, перед сном, Никтошка как раз прочитал эту сказку, которая так и называлась: «Русалочка».

Те, кто слышали эту историю, знают, что она очень грустная. Бедной Русалочке, чтобы увидеться с принцем, пришлось отдать свой прекрасный голос и стать немой. Да еще и когда хвост ее превратился в человеческие ноги, ходить Русалочке было так больно, словно она ступала по ножам. А уж чем сказка закончилась, про это даже и упоминать не стоит! Конец у нее мрачный, печальный и тоскливый.

Никтошке было так жаль бедную Русалочку, что, прочитав книгу, он до поздней ночи проплакал у себя на дереве. Ах, если бы он встретил эту Русалочку, он бы сказал ей: «Зачем тебе нужен принц, и зачем тебе ноги? Ведь так приятно плавать в морских глубинах, хвост же гораздо лучше!» Никтошка и сам бы не прочь был иметь такой хвост. А принцев – мало ли на белом свете?

Никтошка подошел к самому болотцу, наклонился над ним и стал смотреть в воду. Под водой он видел русалкину голову, но вокруг собиралось все больше ряски. «Кто же все-таки

кричал „помогите“? – пытался сообразить Никтошка. – По голосу это была малянка, а не малянец».

– Эй, русалка! – позвал он.

Но русалка не отзывалась. Никтошка испугался. «А вдруг русалка тоже может утонуть?» – подумал он. И понял, что нужно срочно что-то делать. Хотя Никтошка и бывал часто задумчивым – особенно если просто так шел по улице, зато, когда нужно было действовать, он становился очень быстрым.

Никтошка огляделся, потом выхватил из кармана перочинный ножичек и отрезал свисавшую с дерева длинную лозу дикого винограда. Крепко привязал себя этой лозой к стволу ивы и полез в воду. Никтошка быстро добрался до рыжих волос, которые уже совсем облепила ряска, и потянул за них. Ноги его глубоко погрузились в ил, и болото стало засасывать Никтошку, но он не боялся, потому что был привязан. Времени было очень мало. Если она утонула, то нужно как можно скорее вытащить ее, иначе она умрет. Никтошка изо всех сил потянул за рыжие волосы, и голова русалки показалась над водой. Потянул еще и схватил русалку обеими руками за плечи. Голова ее свешивалась вниз. Кажется, русалка не дышала. Никтошка держал ее обеими руками, потому что она была страшно тяжелая. Ноги его глубоко завязли в иле, и он не мог теперь сдвинуться с места. Никтошка попробовал держать русалку одной рукой, а другой – подтянуться на виноградной лозе. Но русалка была тяжелая, плечи ее опутала тина, и она снова стала погружаться в болото. Тогда Никтошка опять схватил русалку обеими руками. Но сам он при этом еще больше увяз в топком иле.

Ничего не получалось. А время шло. Вдруг счастливая мысль осенила его, и, крепко обняв русалку, он начал поворачиваться на том месте, где стоял. Виноградная лоза стала наматываться на Никтошку с русалкой и становиться короче, и таким образом оба начали потихоньку вытягиваться из болота.

Когда оба они очутились на берегу, Никтошка почувствовал, что накрепко примотан к русалке виноградной лозой и ему никак не освободиться. Дернулся раз, другой – тщетно. И зубами не достать, чтоб перегрызть лозу. А русалка не дышала, и глаза ее были закрыты. Никтошку охватил ужас. От отчаяния он рванулся изо всех сил, и они с русалкой перевалились через кочку, а потом покатались с пригорка. Лоза-то осталась привязана к дереву и, когда они докатились до конца, полностью размоталась. Никтошка уткнулся головой в какой-то мох.

Руки его были как каменные и страшно болели. Но он помнил, что русалка не дышит. С трудом поднялся на четвереньки и перевернул ее на спину. Да какая же это была русалка – у нее не было рыбьего хвоста, а были человеческие ноги. Да и одета она была в обыкновенный купальник, какие носят малянки, когда идут купаться на реку. «Значит, она – такая же людишка, как я! – подумал Никтошка. – Качалась на тарзанке, сорвалась в болото и утонула». Он вспомнил, что нужно делать искусственное дыхание. «Но как же его делать, если у нее внутри, наверно, полно воды?» – подумал он. Тогда Никтошка решил, что малянку нужно перевернуть вверх ногами, чтобы вся вода из нее вылилась. Он быстро привязал к ее ногам ту же самую виноградную лозу, перекинул ее конец через ветку ветлы и, повиснув на другом конце, поднял малянку кверху.

Читателю может показаться, что прошел целый час, а то и два, пока Никтошка нашел утонувшую малянку и вытащил ее из болота. Но на самом деле все это длилось не больше пяти минут. Когда нужно было действовать, Никтошка все делал страшно быстро.

Малянка была немного тяжелее Никтошки, может быть, потому, что мокрые волосы, оплетенные тиной, тянули ее вниз. Никтошка обхватил ногами какую-то корягу и тянул лозу с такой силой, что малянка повисла, наконец, вверх ногами. Изо рта ее полилась вода, и она стала громко кашлять.

Малянка висела вниз головой и кашляла, и из нее выливалась вода. Наконец Никтошка опустил ее на землю. Правда, она при этом ударилась головой о корягу – но в сравнении с тем,

что она только что чуть не умерла, это были уже пустяки. Малянка была так слаба, что не могла стоять или сидеть. Никтошка уложил ее на траву. Он и сам едва держался на ногах. Но тут Никтошка увидел, что вокруг ее шеи намоталась тина, и испугался, как бы она опять не задушилась. Стоя на коленках и осторожно приподняв голову малянки, он начал потихоньку разматывать длинные пряди этой тины. Малянка ничего не говорила, а только жадно глотала раскрытым ртом воздух, словно была голодная.

– Как вас зовут? – спросил он, сняв с ее шеи последний кусок речной травы.

Малянка еще немного подышала, а потом шепотом ответила:

– Бабаяга.

Больше она уже ничего не могла сказать. Только глотала воздух ртом.

Глава пятая с половиной. БАБАЯГА

Малянку и вправду так звали: Бабаяга. На самом деле, когда-то ее звали по-другому, и это она сама себе придумала такое непривлекательное имя. Дело в том, что Бабаяга была страшная, невероятная, удивительная красавица. Жила она в собственном домике на окраине Цветограда и очень редко из него выходила при свете. Потому что была ужасно стеснительная. Но Бабаяга любила гулять по ночам и нюхать цветы. А днем она сидела дома и стеснялась выходить. Только когда у нее совсем кончались продукты, она шла в булочную, чтобы купить хлеба, или в молочную за молоком, или в колбасную за докторской колбасой. Появилась она в Цветограде не так давно (то есть, малянка, а не колбаса), кажется, прошлой весной, а где жила раньше – никто не знал. По акценту-то ясно было, что она иностранка.

Когда поэт Пёрышкин впервые увидел эту малянку, он написал лучшую свою поэму под названием «Весенние лепестки». А когда с ней на улице нечаянно столкнулся ученый Всезнайка, он открыл закон Архимеда, что и позволило ему изобрести дирижабль. Для Шприца встреча с Бабаягой закончилась горячкой с температурой тридцать девять и пять и бредом. Шприц так очумел, что выдумал несуществующую, но смертельную болезнь под названием «веснуха» и сделал от нее прививку всему населению города. Шприц выделил для веснухи целую главу в медицинской энциклопедии, которую он сам написал. Там рассказывалось, какая это опасная болезнь и как по весне, нанюхавшись ароматов цветов, людишки заболевают веснухой и сходят с ума.

Бабаяге надоело, что из-за ее красоты все смотрят на нее, как на чудо, и она нарочно, перед тем как выйти из дома, стала мазать лицо сажей, а вместо одежды надевать грязные, рваные лохмотья. Как раз тогда она и выдумала себе это имя: Бабаяга и всем, кто спрашивал, говорила, что ее так зовут.

Но ничего это не помогло. Натерев волосы жидким мылом и высушив потом феном, чтобы были как мочалка, намазав золой щеки, в грязном, разорванном платьице, в котором дыр больше, чем материи, Бабаяга все равно была самой красивой малянкой в городе. Некоторые малянцы так прямым текстом и заявляли: в лохмотьях, с чумазым лицом она, мол, намного симпатичнее, чем другие малянки, которые носят модные платья и пользуются косметикой. Особенно малянцы вроде Пустомели, которые и сами-то не любят мыться. Надо ли говорить, что после таких высказываний малянки Цветограда, почти все до единой, возненавидели Бабаягу.

С ней дружила одна только Кнопочка. Кнопочке было наплевать на собственную красоту. Она никогда не смотрелась в зеркало, надевала на себя что попало, в жизни не красилась, и малянцы ей были глубоко безразличны.

– О, почему, почему они считают меня главной крайсавицей? – жаловалась бедная Бабаяга подруге, по-иностранному выговаривая слова.

В ее родном языке звуки в словах часто идут в другом порядке, поэтому многим цветоградцам трудно бывает понять речь Бабаяги. Но Кнопочка давно привыкла к акценту подруги и не обращала на него внимания.

– Почему, – жаловалась та, – почему смотрят на меня, как на скульптуру в музее или чудно-юдный цветок? Щеки гуталином мазала, на волосы оливковую маслу лила, перцем насыпала, даже макаронами! На улицу выхожу – платье рванное, грязное. Ничего не погромает. Глядят, откроя рот – вот и всё! А я совсем не чудно-юдный цветок и не скульптура! Я – обычная малянка, такая же, как все. И между прочим, я тоже личность, не меньшая, чем они. Я не красотка с ангельным лицом! У меня, между прочим, душа есть!

Бабаяга плакала, а Кнопочка утешала ее.

– Ну что ты... другие счастливы были бы иметь такие огромные зеленые глаза и такие длинные ресницы, как у тебя. Я, правда, этого тоже не понимаю, но Ласточка мне говорила, что, если бы у нее были ресницы ровно в два раза короче твоих и пусть даже не такие густые и не рыжие, а просто коричневые – она бы была на седьмом небе от счастья.

– Но я-то от всего этого совсем не попала на седьмое небо! – всхлипывала Бабаяга. И крупные прозрачные слезы текли по ее прекрасным щекам.

– Не расстраивайся. Другие твоей красоте завидуют. Но что в этом хорошего?

– Вот именно, что ничего нет хооршего.

– Нет, я имею в виду, для них – что хорошего завидовать-то? Зависть – плохое чувство.

– Ты хотя бы меня не завидуешь?

– Ну что ты... как ты можешь так думать? И знаешь... не обращай на них внимания.

– Вот я не обращаю. А чтобы не тарасили на меня – одеваюсь в рнваные ломхотья, намазываю на себя сажу и гуталин...

Кнопочка немного подумала.

– Знаешь что? – сказала она. – Я думаю, ты не совсем права. Красота – она прекрасна. Людишкам хочется смотреть на красоту – что же в этом плохого? Вот ты – разве не любишь смотреть на красивые деревья, цветы?

– И ты, как они... ну разве я цветок? Я ведь живая малянка! У меня есть душа! А ни у кого до этого дела нет!

– Да-да, ты права, – соглашалась Кнопочка.

Ей было безмерно жаль несчастную Бабаягу.

– Знаешь, я так не люблю грязь, – жаловалась та подруге. – Очень тяжело гулять по гоорду в таком виде...

Она действительно терпеть не могла грязь. Придя из магазина, первым делом залезала в ванну, намывивалась с головы до ног и оттирала с лица и рук противную сажу. Потом долго вымывала и расчесывала свои густые волосы и заплетала в две длинные косы.

Отчего Бабаяга казалась всем такой красивой – даже в рваных лохмотьях, сквозь которые просвечивали ее длинные белые ноги – понять трудно. «И что, нет, вот что они в ней нашли?!» – возмущалась другие малянки. Даже некоторые малянцы задумывались. А ученый Всезнайка, которому всегда хотелось докопаться до истины, написал небольшую книжку, которая так и называлась: «Чем нас очаровала Баба-Яга?» Книга начиналась с истории появления сказочной Бабы-Яги. Всезнайка провел научное исследование. Он объяснял, откуда она появилась в сказках, почему у нее костяная нога, а живет она в избушке на курьих ножках. А потом от Бабы-Яги плавно перешел к малянке по имени Бабаяга и стал рассуждать, почему ее красота так сильно действует на людишек. Положа руку на сердце, Всезнайка не собиравался писать про сказочную Бабу-Ягу, тем более, что он в нее не верил. Он хотел написать книжку только про малянку Бабаягу, но подумал, что некоторым такая книжка может не понравиться. И, на всякий случай, начал не с прекрасной малянки, а с ее сказочной тетки.

Но это ему не помогло. Вскоре после издания пришлось ученому Всезнайке самому свою книгу запретить и все копии изъять, даже из библиотеки. Потому что возмущенные цветоградки накиннулись на Всезнайку.

– Если этот мерзкий пасквиль, эта отвратительная клевета не будет немедленно уничтожена, мы поднимем восстание! Мы взорвем твою научную лабораторию и сожжем все твои книги! Мы засунем тебя в твой дирижабль и отправим в атмосферу! А еще лучше – в космос, чтобы ты там как следует подумал.

Это объявила ученому в мегафон малянка по имени Бантик, возглавлявшая мирную демонстрацию малянок против красизма. До этого утра, пока он не услышал под своими окнами крики разъяренных демонстранток, Всезнайка даже и не знал такого слова. Оказывается, красизм – это когда кого-нибудь ущемляют, если он недостаточно красивый.

– Мы не позволим никого ущемлять! – гудел из динамиков гневный голос малянки Пудельки.

Ее кудрявые волосики грозно торчали из головы, словно колючие пружинки.

– Что вы, что вы, милые! – воскликнул Всезнайка, протирая глаза и высовываясь из окна по пояс.

При этом он поцарапал себе живот об оконную раму, которую давно не красили, и от нее отшелушились щепки. Всезнайка очень боялся конфликтов и всегда старался решить дело мирным путем. А малянки уже держали в каждой руке по яйцу колибри, готовые подвергнуть бомбардировке дом номер пятнадцать по Незабудковой улице.

– Дорогие мои! Голубушки! – кричал из другого окна доктор Шприц, выскочивший из постели в одной пижаме. – Конечно же, Всезнайка сейчас же уничтожит свою дурацкую книжку! И как это я недосмотрел и позволил ему ее напечатать! У него наверняка поднялась высокая температура, и он сделал это в бреду. Сейчас же возьму у него мазок из горла и пропишу курс уколов!

По счастью, дело кончилось миром. Всезнайка послал Напильника и Молотка, которые на машине объехали библиотеки и книжные магазины города и изъяли злосчастное произведение. Удовлетворенные демонстрантки разорвали все экземпляры в клочки и разошлись по домам. Некоторые даже извинялись, что наделали столько шума.

– В следующий раз приходите сразу ко мне, незачем устраивать демонстрации, – на прощанье сказал Всезнайка Пудельке и тут же пожалел об этих словах.

– Надеюсь, что следующего раза не будет! – прогудел из мегафона ее металлический голос.

Всезнайке пришлось прочистить оглохшее ухо концом мизинца.словно из водосточной трубы окатила.

– Надеюсь, вы избавились от ваших красистских взглядов навсегда, доктор Всезнайка!

– Конечно-конечно, – пролепетал бедный ученый.

Вот, оказывается, какую знаменитую малянку спас Никтошка. Правда, как я уже говорил, об этом его героическом поступке никто так и не узнал. Кроме самой Бабаяги. Потом она рассказала своей подруге Кнопочке, что ее спас какой-то малянец в синем шарфике. Но Кнопочка не могла припомнить, кто в Цветограде носит синий шарфик, и так они и не узнали, что это был Никтошка. Сам же Никтошка раньше с Бабаягой не встречался и ничего про нее не слышал. Да и немудрено: Никтошка был словно не от мира сего. Никого он не знал.

Никтошка так устал и был так голоден, что решил – это у него головокружение от голода. Он осторожно убрал ряску с рыжих волос малянки. Ее лицо, плечи и руки были бледные, как белый шелк, из которого в Цветограде шьют пододеяльники и простыни. А глаза у нее были зеленые, чуть темнее листьев кувшинок.

Тут послышались голоса малянцев и малянок. Дирижабль, который строили людишки на Незабудковой улице, к этому времени уже был готов. Ученый Всезнайка сказал, что теперь нужно немного отдохнуть перед полетом. День был очень жаркий, и все побежали на Кабачковую речку купаться. Людишки с визгом прыгали в воду и плыли на другой берег, а некоторые сели в лодки, чтобы первыми добраться до тарзанки.

– Что тут случилось? – закричали приплывшие на лодке ученый Всезнайка и доктор Шприц.

Не успел еще Никтошка ничего сказать, как Бабаягу уже обступили малянцы и малянки, прибывшие на нескольких лодках. Никтошку оттеснили от Бабаяги, он отошел подальше и прилег на пенек, чтобы отдохнуть. Ведь он сегодня еще не завтракал, и теперь сил у него совсем не осталось. Он даже шатался – так устал. Такой уж у Никтошки был организм: стоило ему вовремя не перекусить, как у него сразу же кончались все силы и начинала страшно болеть голова. Никтошка это знал и всегда старался поесть вовремя. Он слышал, как малянцы и малянки наперебой расспрашивали Бабаягу, что с ней случилось, и как она рассказала им, что сорвалась с тарзанки и ее засосало в болото. А потом, как она очнулась и увидела, что висит вниз головой на дереве.

– Ну и враки! – сказал Пустомеля.

– Да уж, на что Пустомеля иногда приврать любит, но таких врак даже и он бы не выдумал, – сказал стоявший рядом Шмунька.

Удивительно – когда малянцев было много, красота Бабаяги на них совсем почти не действовала. Но стоило кому-нибудь столкнуться с ней на улице, как...

– Нужно ей искусственное дыхание делать, – сказал доктор Шприц. – Ну-ка, Мальберт, дай свой платок!

Художник Мальберт передал Шприцу шейный платок.

– Будем делать искусственное дыхание методом «рот-в-рот», – стал объяснять Шприц. – Это каждому полезно уметь. На рот кладется платок, чтобы пациент не заразился. Затем двумя пальцами ему зажимается нос, и через открытый рот вдыхается воздух.

Ученый Всезнайка, слесарь Напильник, охотник Патрон и другие малянцы встали вокруг Бабаяги, чтобы делать ей искусственное дыхание.

– Но ведь она и так дышит, – удивился Пустомеля. – Зачем же искусственное дыхание?

– Пожалйуста, не надо мне искусственное дыханье, – взмолилась Бабаяга и заплакала.

– Ничего, что дышит, она может в любой момент перестать, – сказал Шприц. – Она сама не понимает, что это нужно, а наш долг ей помочь.

В это время из-за кустов выбежала Кнопочка. Она держала наперевес огромную корягу. – А ну, пошли все отсюда к чёрту! – громко закричала Кнопочка и так замахнулась корягой, что Шприц со Всезнайкой отпрянули назад, а испугавшийся Растяпа упал в воду. Юбка у Кнопочки сбилась на бок, волосы растрепались, и вообще, вид у нее был страшный. Шприц, к которому ближе всех подступила Кнопочка, понял, что сейчас она его огреет корягой по голове. Он сделал шаг назад и сказал:

- Не хочет – не надо! Мы насильно никого лечить не собираемся.
- Пойдемте, товарищи, у нас и так полно дел! – сказал Всезнайка.
- Вот и проваливайте поскорее, – мрачно изрекла Кнопочка.

Размахивая корягой, она разогнала зевак, чтобы Бабаяга могла спокойно отдохнуть. Подруги Кнопочки Мошка и Капелька принесли всякой еды, расстелили покрывальце и устроили небольшой пикник, чтобы накормить Бабаягу.

А Никтошка, полежав на пенечке и набравшись сил, побрел к своему дубу, возле которого он оставил нарезанные для завтрака ломти кабачка.

Глава шестая. КАК НИКТОШКА ВСЕ-ТАКИ ПОЛЕТЕЛ НА ДИРИЖАБЛЕ, НО ЭТОГО НИКТО НЕ ЗАМЕТИЛ

Никтошке очень хотелось полететь на дирижабле, но получалось как-то неудобно. Позавчера утром, когда ученый Всезнайка собрал людишек в столовой и рассказал им про дирижабль, Никтошка еще крепко спал в своей кровати, и его, как всегда, забыли позвать. А потом, когда он, ни о чем не подозревая, гулял в поле, то встретил Пустомеля, собиравшего лепестки ромашек.

– Привет, – сказал Никтошка.

– Привет, бездельник, – сказал Пустомеля.

– Разве я бездельник?

– А разве нет? Все работают, собирают ромашкины лепестки, а ты что?

– А зачем вам всем лепестки понадобились? – удивился Никтошка.

– Ты что, разве не знаешь, что мы на дирижабле летим?

– Нет, – сказал Никтошка. – Мне никто об этом не говорил.

– Это потому, что ты вечно отдельно от всех, – сказал Пустомеля. – Вообще непонятно, с нами ты живешь или нет. Вроде ты есть, а вроде тебя и нет.

«Да я есть», – хотел было возразить Никтошка, но Пустомеля сказал:

– Ты какой-то не наш совсем. Нечего тебе с нами и на дирижабле лететь, потому что мы тебя совсем не знаем, тебя и не видно никогда. Мы только своих берем, ясно?

Никтошка заморгал глазами. Он хотел что-то ответить, у него в голове появилось множество слов, которые ему хотелось сказать, но все они почему-то стали застревать в горле. Никтошка почувствовал, что слезы вот-вот брызнут у него из глаз. А Пустомеля вообще был сегодня в плохом настроении. Потому что перед этим он поссорился и подрался со своим лучшим другом Шмунькой и у него болело ухо, по которому Шмунька его стукнул.

– А знаешь, кто ты такой? – спросил Пустомеля и сделал загадочное лицо.

Никтошка молча помотал головой.

– Ты никто – вот ты кто, – засмеялся Пустомеля. – Поэтому тебя и зовут Никтошкой!

Слезы закапали у Никтошки из глаз, и он повернулся и побежал, а Пустомеля кричал ему вдогонку только что сочиненную дразнилку:

Никто-никто-Никтошка
Гуляет по дорожке.
Никто-никто-Никтошка
Споткнулась об картошку.
Никто-никто-Никтошка
Упала на дорожку,
По никто-никто-Никтошке
Ползет сороконожка!

Последних слов этой дразнилки Никтошка уже не слышал. Он бежал очень долго, пока не устал, а потом долго шел, не разбирая дороги, через какое-то ромашковое поле. Белые лепестки ромашек хлестали его по щекам, а пыльца с их желтых головок забивалась ему в нос, и от нее так хотелось плакать! Тут никого не было, но Никтошка все равно не плакал, и только слезы текли у него по щекам, но это ведь было от пылицы. У него просто слезились глаза, а он шел, размахивая руками и отбиваясь от ромашковых стеблей.

– Я – никто! – говорил он своему мысленному другу Вилке, а может быть, еще кому-нибудь, кто мог бы быть тут рядом и слышать. – Я – никто, меня вообще нет, я – пустое место. Вот оно идет по дороге – пустое место, и его никто не видит, потому что оно пустое. Потому что оно пустое, поэтому его никто не видит. А не видят его потому, что оно пустое. Да ведь это же всем ясно! Если чего-то нет, то его не видно – это всем понятно. Но и наоборот тоже верно: если ничего не видно, то, значит, ничего и нет! А если это Ничто идет и что-то там себе думает – это еще не значит, что Оно существует. Существует только то, что другие замечают. А если никто никогда ничего не замечает – значит, ничего и никого и нет! Нет тебя, дурака, ясно тебе? – И Никтошка стукнул сам себя кулаком по голове. – В этом-то все и дело!

Слезы текли и текли у него по щекам, смешиваясь с ромашковой пылью. И наконец все его лицо стало желтое, и его белая рубашка стала желтая, а джинсы – зелеными, потому что если смешиваешь синий и желтый цвет, то получается зеленый. Никтошка шел все вперед и вперед, поливая ромашки слезами и не замечая, куда идет, и неожиданно ромашки кончились, и он оказался у обрыва Кабачковой реки. Никтошка даже не успел заметить, как ромашки пропали, а он полетел с высокого обрыва в реку.

Плавал Никтошка как рыба. Окунувшись в воду, он вынырнул и поплыл на другой берег. Когда он вылез из воды, взобрался на кочку и сел на нее, глядя в воду, то оказалось, что вся обида уже прошла. Никтошка был весь мокрый, и с него капало. Почему-то ему даже стало весело.

– Ну и здорово, что меня никто не замечает! – вслух сказал он. – Я могу быть разведчиком и незамеченным пробираться в тыл врага. И на дирижабль их я тоже проберусь!

Никтошка по своей природе был оптимистом и никогда не унывал. Хоть у него и не было друзей, но он надеялся, что когда-нибудь обязательно их найдет.

На следующий день Никтошка уже совсем не помнил обиды, которую нанес ему Пустомеля. Он не умел долго дуться. Никтошка не очень-то представлял себе, что это за дирижабль и как на нем летают. Но он решил полететь во что бы то ни стало. У него не было определенного плана. Он вообще не любил планов и делал все спонтанно. То есть, всегда придумывал, что ему делать, в самый последний момент. «Там видно будет», – решил Никтошка. Он позавтракал грибом-сыроежкой, которую сам спилил, разрезал на кусочки и посолил. Сыроежки ведь можно есть сырыми.

Вокруг их дома собралась такая толпа, что он еле протиснулся к лужайке во дворе, над которой уже плавал привязанный к гондоле, надутый теплым воздухом дирижабль. Никтошка подобрался к самому дирижаблю, и никто его, как обычно, не заметил. Он и правда мог бы быть разведчиком. Такой уж у него был талант – оставаться незамеченным.

Наконец-таки Никтошка увидел дирижабль. Он был огромным – величиной с их двухэтажный дом – и плавал над высоким кустом роз. На дирижабль была надета веревочная сеть, к которой снизу была привязана большая плетеная гондола. Гондола была размером с целую комнату, правда, не очень большую. В ней и должны были полететь людишки.

Никтошка обошел вокруг гондолы и увидел, что она вся просвечивает насквозь. «Не очень-то качественно они ее сделали, как ты думаешь, Вилка?» – мысленно спросил друга Никтошка. Все-таки они с Вилкой чаще всего разговаривали телепатически – то есть, мысленно. Особенно, когда рядом кто-нибудь был и мог услышать. «Да уж», – телепатически ответил Вилка.

И правда, во многих местах в березовой коре, из которой была сплетена гондола, были довольно большие дыры. В них можно было просунуть руку, а в некоторые даже ногу. Время от времени кто-нибудь из суесящихся вокруг людишек задевал гондолу, и она при этом ужасно скрипела. Неприятная мысль поразила Никтошку: «А вдруг кто-нибудь в такую дыру провалится и выпадет наружу?» Он на минуту представил себе, что дирижабль будет лететь на очень большой высоте. Он ведь такой огромный. Наверное, даже орлы так высоко не летают. «Слушай, Вилка. Высоко в небе, может быть, дуют сильные ветры. А если эта гондола от ветра развалится на куски и людишки выпадут из нее?» – «Вот и я о том же, – отвечал Вилка. – Или одна из дыр расширится, и кто-нибудь в нее проскользнет». Но, оглянувшись на людишек и увидев спокойный и сосредоточенный вид ученого Всезнайки, деловито руководившего работой, Никтошка с Вилкой подумали, что не всё так страшно. «Нет, Всезнайка знает, что делает. Они с Напильником и Молотком всё рассчитали». – «Согласен. Ничего плохого не может случиться». И Никтошка перестал бояться.

Только возьмут ли его? Ведь он не работал, да и вообще, как сказал Пустомеля, они «только своих берут». А просить кого-нибудь Никтошка терпеть не мог.

Людишки тем временем уже сложили на дно гондолы парашюты, и теперь Всезнайка велел всем наполнять мешки песком и тоже класть их в гондолу.

– Это чтобы когда воздух в дирижабле остынет и он начнет опускаться, можно было выкинуть мешки и остановить падение, – объяснил Всезнайка.

И тут Никтошку осенила гениальная мысль. Он даже Вилке ничего не стал говорить. В суматохе, взяв потихоньку пустой мешок, он подобрался к лесенке, ведущей в гондолу, и надел мешок себе на голову. Затем, быстро взбежав по ступенькам, повалился на другие мешки, которые уже лежали на дне. Все были так заняты, что никто ничего не заметил. Никтошка перекатился через два других мешка, торчавшие кверху, и улегся поудобнее рядом. Потом он перевернулся внутри своего мешка так, чтобы быть головой к выходу.

Когда Никтошка еще только решил как-нибудь тайно на дирижабль пробраться, ему все-таки неудобно было, что он не помогал, не делал ничего, а хочет полететь. Но когда он узнал,

что летят мешки с песком, совесть его успокоилась. «Ну чем я хуже его? – решил Никтошка, ткнув кулаком соседний мешок. – Он тоже лежит на полу и ничего не делает».

Хоть Всезнайкино изобретение и называлось дирижаблем, но на самом деле этот дирижабль был практически то же самое, что обыкновенный воздушный шар. Дирижабль отличается от воздушного шара тем, что у него есть двигатель с пропеллером. Таким образом, дирижабль – не просто игрушка ветра, которая летит неведь куда безо всякого управления. С помощью винта дирижабль может двигаться, куда нужно его пассажирам.

Но это в теории. А на практике слесарю Напильнику и монтеру Молотку так и не удалось создать двигатель, который мог бы противостоять силе ветра. Они вместе со Всезнайкой несколько раз испытывали дирижабль – то установив на нем паровую машину с котлом и огромным запасом угля, то электромотор с тяжеленным аккумулятором, то приладив к гондоле реактивные сопла... Пытались даже приспособить к скамейкам велосипедные педали, чтобы людишки сами крутили пропеллер. Да только ничего из этого не вышло. Все двигатели оказались настолько тяжелыми, что дирижабль не мог с ними подняться в воздух. А рассчитав тягу пропеллера, которую разовьют шестнадцать людишек, если будут из всех сил крутить педали, Всезнайка понял, что нечего даже думать об этом. Людишки ведь маленькие, ростом с банан, силёнок у них совсем чуть-чуть. Где им справиться с ветром! И ученый отказался от двигателей и педалей. Он столько раз испытывал дирижабль с разными приспособлениями и столько раз неудачно, что уже решил: пора этому аппарату, наконец, хоть как-нибудь полететь. Пусть даже в качестве простого воздушного шара, отдавшись на волю ветров. Но все по привычке продолжали называть аппарат дирижаблем.

Никтошка лежал в мешке и слушал, что происходит вокруг, и ему стало очень грустно. «Ну почему я всегда поступаю так, почему? – думалось ему. – Ведь нужно было просто подойти к ученому Всезнайке и поговорить с ним, и они взяли бы меня с собой, ведь я же живу в этом доме!» Но разговаривать с кем-нибудь, а тем более просить – было для Никтошки очень тяжело. Хуже, чем горькую горчицу есть. Он любил действовать в одиночку и ненавидел кого-нибудь о чем-нибудь просить. А вдруг не дадут? Да он бы лучше сдал анализ крови из пальца, чем попросил у них! И заниматься чем бы то ни было Никтошка любил только, когда он один. А вдруг запретят?

Людишки всё суетились вокруг дирижабля. Никтошка так устал за сегодняшний день, что не заметил, как уснул. Его разбудило громкое «ура» малянок и малянцев, раздавшееся, когда дирижабль начал подниматься в воздух. «Я лечу», – подумал Никтошка. Хорошо было бы вылезти из мешка и посмотреть, что там делается за бортом. Но тогда пришлось бы разговаривать со Всезнайкой. Да еще и с остальными. И все стали бы говорить, что он ничего не делал, не помогал, а полетел. Никтошка вспомнил, как Пустомеля обидел его вчера в поле. «Нет уж, – подумал он, – как-нибудь долечу в мешке. А там, на месте, вылезу потихонечку, когда никто не будет видеть. Зато попаду в далекие края». Он столько читал книг про приключения и про дальние страны, а теперь вот он скоро в эти страны попадет, и приключения начнутся.

Гондола поднималась все выше, и через дырочку в полу Никтошке было видно, как быстро уменьшалась внизу земля. Сначала их двор с толпящимися провожающими превратился в маленький пестрый квадратик, потом вся Незабудковая улица стала едва различимой цветной ленточкой, а вскоре и весь Цветоград собрался в крошечное пятнышко, которое делалось все меньше и меньше и терялось среди других пятен – лесов и полей. Как Никтошка и думал, гондолу качало и она ужасно скрипела. Пол, на котором Никтошка лежал, ходил ходуном, и ему казалось, что щели между кусками березовой коры всё увеличиваются. «Как бы не провалиться», – беспокоился Никтошка. Он чувствовал, что под боком у него как раз одна из таких щелей. Никтошка немного поерзал и попытался прощупать, насколько она большая. Кажется, когда он только сюда залез, промежуток был намного меньше. «Только бы долететь, пока береста совсем не разлезется и я не вывалюсь через эту дыру», – нервничал он.

В это время Растяпа, у ног которого лежал Никтошкин мешок, заложил ногу за ногу и нечаянно пихнул Никтошку чем-то мягким прямо в лицо. Никтошка осторожно приподнял голову и увидел у себя перед носом что-то белое и пушистое. «Это Растяпина подушка», – догадался он. Подушка пришлась очень кстати, потому что Никтошке не на что было положить голову. Его уху, прижимавшемуся к чьему-то ботинку, кажется, Пустомелиному, было очень твердо. Никтошка потихоньку придвинул подушку к себе. Он обнял ее и зарылся в подушку лицом. Подушка была очень мягкая и нежно пахла ромашками. И Никтошка успокоился. «Ничего, как-нибудь долетим», – подумал он.

Никтошка стал думать о малянке, которую вытащил из болота. Как ее зовут – он не знал. Кажется, она сказала «Баба-Яга», но ясно же, что ее так звать не могут. Это она непонятно почему сказала. Может, она еще не совсем в себя пришла. А может, у Никтошки тогда был такой вид, что он на Бабу-Ягу был похож, и она ему хотела сказать: «Привет, Баба-Яга», но от слабости смогла произнести только «Баба-Яга». Так думал Никтошка. И он про себя называл Бабаягу «та малянка».

Раньше он ее никогда не встречал. Жаль, что не удалось даже с ней поговорить. Никтошка ни с кем не дружил, но теперь почему-то подумал, что с той малянкой он хотел бы дружить. Как все-таки страшно было, когда он вытаскивал ее из болота, думал Никтошка. А вдруг бы она умерла? «Хорошо, что не умерла», – подумал он. И вспомнил, что сначала принял ее за русалку. У нее такие зеленые глаза и такие рыжие волосы... «Интересно, зеленые у русалок волосы или нет? – думал Никтошка. – Если они живут под водой, то должны быть зеленые. Но бывает ведь, что они выходят на сушу и вместо хвоста у них оказываются ноги, как у Русалочки из сказки. И они становятся обыкновенными девочками. А значит, у них и волосы должны быть обыкновенные, а то сразу будет видно, что они необыкновенные. А у той малянки рыжие».

Никтошка лежал в мешке, не шевелясь. Он слушал, как Пустомеля глупо удивляется, что земля за бортом такая маленькая и что их домик остался внизу. Потом он слушал, как Пустомеля с Угрюмом спорили. Никтошке из его мешка видны были только ботинки Растяпы и краешек гондолы. Между кусками бересты просвечивало голубое небо. Дирижабль плавно качало, и ветер нес его в неизвестность. Никтошка уснул. Ему снилось, как он вытаскивает рыжеволосую малянку из тины.

Глава седьмая. ПАДЕНИЕ

Тем временем дирижабль поднялся совсем уже высоко, он летел выше облаков, и здесь было очень холодно. Все дико замерзли, а у некоторых даже начались судороги. Никтошка тоже замерз во сне. Сквозь сон он услышал какой-то треск. Это куски березовой коры разошлись в стороны, образовав под Никтошкой широкую дыру. У Никтошки всё как будто внутри оборвалось. «Я вывалился», – только и успел подумать Никтошка. Он открыл глаза и увидел под собой кудрявые облака, которые росли на глазах и приближались к нему. Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, что стало с дирижаблем, но тут его окружил какой-то плотный белый туман, через который ничего не было видно. Никтошка попал в облако.

Известно, что когда падаешь с высоты, то первые несколько секунд ускоряешься – то есть, набираешь скорость. В это время внутри возникает очень неприятное чувство, как будто в животе что-то оборвалось, а еще кружится голова и тошнит. Но секунд через десять ускорение заканчивается, и продолжаешь падать уже с постоянной скоростью. И тогда как будто плаваешь в воздухе, словно в воде. Можно грести руками, плыть вперед или поворачивать, перевертываться на живот или на спину. Правда, при этом опускаешься все ниже и ниже, пока не достигнешь земли. Парашютисты, которые прыгают с самолета, сначала долго летят вот так в воздухе, плавают и даже кувыркаются. Уже ближе к земле они раскрывают парашют, чтобы не разбиться. Да его и нельзя раскрывать на большой высоте, а то ветер унесет парашютиста неведь куда. У Никтошки-то парашюта не было, но не бойтесь, милые читатели, он обязательно спасется.

Так вот, Никтошка падал теперь с постоянной скоростью, и его больше не тошнило. Странно, в облаке не чувствовалось холода, и было даже как-то приятно. Никтошке казалось, что он плавает, словно рыба. Он стал разводить в стороны руками и отталкиваться ногами – как обычно делают, когда плывут под водой. А Никтошка ведь здорово умел плавать. В облаке было очень тихо и совсем ничего не видно вокруг, кроме белого тумана, похожего на молоко. Никтошка греб руками и ногами и плыл вперед. Хотя, где тут перёд – было непонятно. Он совершенно потерял ориентацию и не знал даже, где верх, а где низ.

«Интересно, когда же кончится это облако?» – подумал Никтошка, но тут оно кончилось. И он увидел под собой огромную, тянущуюся во все стороны землю. Она была ужасно широкая и большая. Где-то очень далеко внизу желтели поля и зеленели леса. Земля состояла из каких-то разноцветных пятен, от которых у Никтошки рябило в глазах, так что он ничего не мог рассмотреть. Снова стала кружиться голова. Все же Никтошка успел заметить, что среди желтых пятен полей тянется тонкая синяя ленточка, которая потом теряется где-то в лесу. Это была Кабачковая река.

Земля все приближалась. Никтошка летел вниз, лежа на животе, и вскоре прямо внизу, под собой, посреди зеленого леса, увидел круглое синее пятно. К нему тянулась тонкая, извилистая полоска Кабачковой реки. «Значит, она впадает в это лесное озеро, – успел подумать Никтошка, – я упаду в воду».

– Спасен! – радостно закричал он, но, видимо, из-за быстрого падения сам не услышал своего голоса – ветер унес слова высоко вверх.

На большой высоте падение не было так заметно, но чем ближе к земле, тем стремительней она стала приближаться. Уже видны были отдельные деревья, уже раздвинулось во все стороны круглое озеро – оно росло и летело навстречу со страшной быстротой. Никтошка падал вниз головой и успел только выставить вперед руки, как вода ударила его с такой силой, что он потерял сознание. Так окончилось воздушное путешествие Никтошки, но началось подводное.

Глава восьмая. У ЦАРЯ НЕШТУНА

Точно не известно, сколько прошло времени, а только Никтошка очнулся и почувствовал, что он где-то лежит и что он легкий, как пушинка, а вокруг везде что-то очень вязкое. От сильного удара он не помнил, что с ним произошло. Никтошке было очень легко лежать, ему казалось, что он ничего не весит. Как будто воздух вокруг стал тяжелым, а сам Никтошка – очень легким. Было так тепло и приятно, и не хотелось открывать глаза. Никтошка подумал, что он спит, и ему не захотелось просыпаться, поэтому он не открывал глаз. Слышался какой-то шелест или шепот, и откуда-то издалека как будто звучали тоненькие струны, которые приятно убаюкивали его.

Никтошка решил еще поспать, но нечаянно открыл один глаз. Это у Никтошки такая была привычка – если проснется среди ночи, то, перед тем как снова заснуть, он на секунду приоткрывает один глаз. Увидит рядом только темноту – закрывает глаз и снова засыпает. Но сейчас темноты рядом не было. Всё было какое-то голубо-зеленое. Он открыл и второй глаз. Никтошка лежал на какой-то очень пушистой кровати. Вокруг росли странные и удивительные растения. Бурные, оранжевые и зеленые, они тянулись своими гибкими стеблями высоко вверх. Никтошка находился вроде бы в комнате, а вроде бы и нет. Стены неровные, потолка не видно. Скорее, это было что-то типа пещеры. Стояла всякая странная мебель. Справа – нечто вроде кресла, очень мохнатого, с длинным сиреневым ворсом, и этот ворс шевелился, точно живой. Слева – шкаф, сделанный из огромной перламутровой ракушки, с раскрытой створкой. Над головой – люстра с пятью тусклыми розовыми лампочками в виде рыб.

Никтошка протянул руку и потрогал толстый стебель растения. Его рука двигалась медленно, словно ватная. Так бывает во сне, когда хочешь что-нибудь сделать быстро, а получается очень долго. Никтошка от удивления даже рот раскрыл, и ему показалось, будто у него полон рот воды. Он никак не мог понять, как он тут очутился, помнил только, что видел какой-то сон. Никтошка проглотил воду, которая была у него во рту, но рот снова наполнился водой. Да ведь он же под водой, на дне! – понял вдруг Никтошка и сейчас же вспомнил всё, что с ним было. И как на Пустомелию обиделся, и как всю ночь читал «Русалочку», и как спас рыжеволосую малянку, которая сказала, что ее зовут Баба-Яга. И как залез в мешок и спрятался в гондоле, как потом вывалился, и лоскутную землю внизу, и огромное озеро, ударившее его по голове.

Никтошка приподнялся, чтобы слезть с кровати. И почувствовал, что он плавает, не касаясь пола. Он оттолкнулся от перламутровой спинки кровати, оплетенной тонкими, почти прозрачными водорослями, и поплыл вперед. Откуда-то из-за шкафа выскочила стайка зеленых рыбок и проплыла мимо него. Никтошка хорошо умел плавать и нырять и мог надолго задерживать дыхание. Но сейчас он не задерживал дыхание, а дышал, так, будто был не под водой, а на земле. Он вдыхал и выдыхал воду. Правда, каждый выдох-вдох занимал у него, наверно, целую минуту. Ведь вода намного тяжелее воздуха. «Как же я дышу? – думал Никтошка. – Наверное, это все-таки сон».

За шкафом ему открылось большое пространство подводного грота. Здесь было намного просторнее и светлее. Высокий потолок поддерживали золотые девушки-кариатиды, стоящие на колоннах зеленого мрамора. На мраморных стенах, поросших подводным мхом, висели большие картины в золотых рамах. На картинах были изображены тонущие корабли. Один налетел на огромные серые скалы, мачты его сломались, палуба накренилась. Громадные волны подбираются к одетым в старинные одежды испуганным людям, вцепившимся в корабельные снасти. На другой картине корабль уже под водой и идет ко дну. Людей на нем не видно, а вокруг кружатся веселые рыбки. Две девушки-русалки через разбитый иллюминатор вытаскивают сундук с золотом. Никтошка засмотрелся на картины и не заметил, что он не один.

Кто-то покашлял за его спиной. Никтошка повернулся и увидел старичка, лежавшего на диванчике возле противоположной стены. Старичок был в бледно-желтом халате и старинных розовых туфлях. У него была длинная зеленая борода и маленькая золотая корона на голове.

– Не бойся, – произнес старичок.

Вообще, он был не страшный. Никтошка не испугался и подплыл поближе. По короне Никтошка понял, что перед ним царь. Так и оказалось.

– Здравствуй, о чужеземец!

В сказках цари всегда так говорят: «О чужеземец», – так что Никтошка ничуть не удивился.

– Здравствуй, о чужеземец! Я царь этого озера, и меня зовут Нептун. Ты, конечно, слышал о могущественном Нептуне, повелителе морей. Вот и моя фамилия тоже Нептун, и я прихожусь морскому царю дальним родственником – он мой четвероюродный дедушка.

И в подтверждение своих слов Нептун показал Никтошке золотой трезубец, который всегда бывает у повелителей морей. Ну, и рек, и озер тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.